

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОДУКТ

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОЦЕССА ВСЕМИРНОЙ УНИФИКАЦИИ



Глеб ВОЛКОВ,
аспирант Академии
управления
при Президенте
Республики Беларусь

Вопреки доминирующей версии об объективных причинах глобализации, многое свидетельствует о том, что процесс имеет субъективные предпосылки. В связи с этим сущность явления обретает принципиально иной характер, во многом имеющий негативный оттенок. А значит, отношение к глобализации, прежде всего со стороны национальных государств, нуждается в значительной корректировке.

В научных (а тем более политических) кругах доминирует подход, согласно которому глобализация вызвана объективными предпосылками. Так, британский социолог Зигмунт Бауман утверждает, что процесс унификации связан «с глобальными последствиями, абсолютно непреднамеренными и непредусмотренными, а не с глобальными инициативами и действиями» [1, с. 87]. Его коллега Ульрих Бек допускает «наличие мирового общества без всемирного государства и без всемирного правительства», говоря о расширении «глобально дезорганизованного капитализма» [2, с. 28]. Один из основоположников понятия «глобализация» Роланд Робертсон определил ее как «серию эмпирически фиксируемых изменений, разнородных, но объединяемых логикой превращения мира в единое целое». Как видно, трактовка довольно абстрактная. В качестве двигателя процесса выступают некие «разнородные изменения». Профессор Крейг Калхун и вовсе призывает международное сообщество приступить к выбору институтов, способных управлять глобализацией. Лишь немногие из экспертов указывают на субъективные факторы, способствующие возникновению этого явления. Так, директор Лондонской высшей школы экономических и политических наук Энтони Гидденс полагает, что глобализация стала следствием модерни-

зации, которая в свою очередь представляла собой продукт политики Запада [5]. Социолог Гюстав Терборн считает, что глобализация вызвана не эволюционным развитием общества, а экспансией неолиберализма, вторжением постиндустриальных технологий и коммерческих стратегий в незатронутые ими прежде геополитические пространства. Профессор Тасманийского университета Малколм Уотерс акцентирует внимание на том, что современная всеобщая унификация – «социальный процесс», а социальное априори субъективно. С точки зрения профессора Университета им. Дж. Вашингтона Джеймса Розенау, любая совокупность взаимодействий (транснациональные организации и общности), имеющая потенциал неограниченного распространения, способная легко преодолеть национальные юрисдикции и затронуть любую социальную общность в любом месте мира, должна рассматриваться как процесс глобализации [2, с. 68]. Здесь также просматривается субъективное начало. Вероятно, догадываясь о субъективности явления, У. Бек ввел термин «субполитика». Правда, лишь в отношении предприятий, действующих за рамками политической системы (хотя в действительности транснациональные корпорации (ТНК) всегда привязаны к ней). Ряд аналитиков считают глобализацию политически востребованной концепцией, с помощью которой субъекты политики пытаются доказать существование новых угроз либо, напротив, предрекают процветание человечества. В частности, по мнению главы Центра исследований постиндустриального общества Владислава Иноземцева, глобализация призвана обосновать формирование однополюсного мира [7]. Значительным препятствием на пути к определению истины выступает то, что глобализацию «постоянно упоминают, но редко определяют» [8]. Даже в 1994 году в каталоге библиотеки конгресса США имелось не более

трех десятков названий произведений, содержащих термин «глобализация». «Общества имеют тенденцию подчиниться глобальному капитализму, не задаваясь в связи с этим вопросами относительно его происхождения и не пытаясь приблизиться к пониманию причин этой необходимости» [14]. Что касается экспертной группы, то и она «по существу, отказывается от сколь-либо серьезных попыток вскрыть реальные движущие силы глобализации» [8]. Создается впечатление, что пропагандируемые Западом «догмы тщательно уберігаются от того, чтобы стать объектами полемики, и считаются бесспорными и абсолютными при полном отсутствии каких бы то ни было логических оснований для этого» [6, с. 36]. Уже только это обстоятельство порождает скептицизм относительно достоверности, казалось бы, устоявшейся позиции. Данная неопределенность при беспрецедентной масштабности явления и степени его влияния на жизнедеятельность традиционного международного порядка требует конкретизации сущностной характеристики феномена.

Под «глобализацией» обычно подразумевают достаточно широкий спектр, как правило, не связываемых воедино тенденций: развитие мировых идеологий; борьбу за установление мирового порядка; скачкообразный рост числа и влияния международных организаций; ослабление суверенитета национальных государств; появление и развитие транснациональных корпораций; рост международной торговли; массовые миграции; создание планетарных СМИ; экспансию западной культуры и так далее. Как видно, все указанные аспекты интеграции связаны с человеческой деятельностью, априори имеющей мотивацию. Важно также отметить, что объективный процесс не может вызывать протеста, ибо он естественен по своей природе, в то время как глобализация имеет многочисленных противников, визуальная неприметность которых объяснима их дифференциацией.

В некоторой степени глобализацию можно было бы объяснить, опираясь на теорию «контингентного сдвига» – хронологически ограниченного участка истории, отмеченного совокупностью событий, радикально и быстро меняющих привычные структуры общественной жизни. Однако концепция не пред-

усматривает такой важный и, на мой взгляд, присущий глобализации фактор, как мотив. Английский ученый Лесли Склэр более близко передает смысл глобализации, под которой понимает «формирование системы транснациональных практик, автономизирующихся от условий внутринациональных государств и национально-государственных интересов в международных отношениях». Далее Л. Склэр указывает на три аналитических уровня транснациональных отношений, которые определяют институты, стимулирующие глобализацию: экономический, политический, а также идеолого-культурный. На уровне экономики – это транснациональные корпорации, на уровне политики – транснациональный класс капиталистов, на уровне идеологии и культуры – консюмеризм. Таким образом, согласно Л. Склэру, процесс глобализации предполагает не только наличие определенных условий, но и субъектов с их интересами. «Система транснациональных практик», как любая другая, подразумевает единство целей. Выходит, что экономические, политические и культурные мотивы субъектов взаимосвязаны. Дополняя друг друга, они являются тактическими элементами общей стратегии. Невозможно добиться экономического роста, не имея лобби в политических кругах, как невозможно вести политическую деятельность без экономической поддержки. По замечанию У. Бека, «рядом друг с другом существуют различные собственные логики экологической, культурной, экономической, политической и общественно-гражданской глобализации, несводимые друг к другу и не копирующие друг друга, а подающиеся расшифровке и пониманию только с учетом их взаимозависимостей» [2, с. 26].

Итак, глобализация не абстрактна. Можно дискутировать относительно объективности причин изменения климата, но субъективность сферы политико-экономических отношений сомнений не вызывает. «Любые глобальные изменения (включая создание национальных государств и интернационализацию) порождаются наиболее развитыми хозяйственными системами той или иной эпохи», – утверждает В. Иноземцев [7]. Американский профессор Манфред Стегер полагает, что за современной глобализацией

ВОЛКОВ

Глеб Юрьевич.

Родился в 1973 году в Минске. Окончил Академию физического воспитания (1995) и Институт государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь (2004). На протяжении шести лет являлся ведущим аналитиком Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь. В настоящее время – аспирант Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Автор публикаций по международной тематике в отечественных периодических изданиях. Сфера научных интересов: геополитика, международные отношения, современное мироустройство.



стоят вполне реальные политические силы: представители управленческого звена крупных транснациональных корпораций, влиятельные журналисты и интеллектуалы, выступающие в роли апологетов глобализации (семинар «Феномен глобализации: Опыт системной реконструкции» 15 апреля 2002 года). Такие организации, как ВТО, МБРР, МВФ, НАТО, различные ТНК, в конце концов, сверхдержава США, то есть все те институты, которые справедливо ассоциируются с процессом унификации, – юридически оформленные политико-экономические субъекты, обладающие персонифицированным управленческим аппаратом. И потому, как полагает немецкий геополитик Лоренц Шреттер, «причины глобализации следует искать не в надчеловеческих силах рынка, а в решениях, принимаемых на международных встречах» [14]. Всякая «внегосударственная инстанция, выступающая как абстрактная воля якобы мирового общества, всегда на деле оказывается мистификацией вполне конкретного государства-гегемона, стремящегося облучиться в тогу международного претора в целях легитимизации своего господства, в целях экспроприации и присвоения суверенитета других стран», – подытоживает Н. фон Крейтор [9]. Именно поэтому, как подчеркивает В. Иноземцев, есть основания полагать, что наблюдаемое «самоограничение» ряда исследователей процесса глобализации в вопросе ее субъективизма имеет неслучайный характер [8]. Касательно «проблем» планетарного масштаба, с которыми отдельно взятое государство якобы не способно справиться, следует заметить, что они скорее призваны завуалировать меркантильные цели сторонников унификации. Иначе как объяснить тот факт, что США – главный «рупор» глобализации, отказываются подписывать Киотский протокол, необходимый для предотвращения экологической катастрофы.

В 2004 году члены ООН (во главе опять же с США) израсходовали на милитаризацию более триллиона долларов, тогда как пожертвования на Всемирную продовольственную программу уменьшились на 219 млн. долларов. Даже беглый анализ проблем, имеющих статус «планетарных», показывает, что риски искусственно завышены. Яркий пример тому – фактор международного терроризма. Политический террор действительно может носить интернациональный окрас. Но, как показал опыт Израиля и России, государство вполне способно решать вопросы своей национальной безопасности самостоятельно.

Таким образом, глобальное общество и присутствующие ему признаки следует определять не столько географическими, временными или технологическими категориями, сколько политико-экономическими, которые зависят от воли субъектов. На основании изложенного глобализацию можно рассматривать как стремление субъекта политики (экономики) к мировому господству, достигаемому за счет тотального превосходства в военной, экономической, технологической и информационной сферах, с целью реализации определенных личностных или групповых интересов.

Исходя из субъективной природы глобализации, к современным носителям идеи, безусловно, следует отнести США, чьи претензии на мировое господство ярко выражены и получили широкое воплощение. «Глобальная взаимозависимость – это не политическая фантазия, она является конкретной реальностью, необратимый характер которой придали революции, произошедшие в этом веке в области технологий, средств связи и геополитики. Свободное движение инвестиционных капиталов, товаров и людей через границы будет оставаться фундаментальным фактором в мировом экономическом росте и повсеместном укреплении демократических институтов. Мир сегодняшнего дня нуждается в руководстве, и наша страна должна его предоставить. В XXI веке нет места для изоляционистов; мы все должны быть интернационалистами», – убежден представитель крупнейшего американского финансового клана Д. Рокфеллер [11, с. 7]. Следует отметить, что США – корпоративное государство. Это значит, что ведущую роль в формировании

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. – М.: Весь мир, 2004. – 188 с.
2. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.

исполнительной и законодательной власти страны играет частный капитал. Уже во времена В. Вильсона (1913–1921) высшее управленческое звено США состояло на 57–93 % из представителей корпоративно-финансовой элиты [10, с. 51]. Следовательно, под интересами сверхдержавы необходимо понимать прежде всего интересы транснациональных корпораций. Учитывая, что всякое национальное государство с его юридическими, географическими и нравственными условиями ограничивает свободу передвижения капитала, идеальной для функционирования ТНК видится глобально нивелированная общественная среда. Выходит, что институт национального государства выступает главным и непримиримым оппонентом глобализации. В планах установления мировой гегемонии, подразумевающей «стирание» национальных границ, США достигли значительных успехов. Еще Б. Гали (генеральный секретарь ООН в 1992–1997 годах) признавал, что «время абсолютного и исключительного суверенитета прошло». По замечанию экс-советника президента США З. Бжезинского, «в наше время понятие суверенитета в значительной степени размыто из-за постоянно растущей взаимозависимости государств, и для большинства из них это скорее юридическая фикция» [3].

Многие эксперты (в том числе не принадлежащие к «западной» школе), говоря о взаимозависимости и отрицая наличие нивелировки, утверждают, что в условиях глобализации действия малых субъектов и мировые процессы в равной мере оказывают влияние друг на друга. Генератором подобных взглядов являются США, усиленно поддерживающие миф о равенстве возможностей в условиях рыночной экономики, где залогом обогащения (начиная от стадии первоначального накопления) являются право и труд. Отстающие государства якобы добровольно принимают правила игры развитого Запада по причине их безусловной рациональности. Данную «идиллию» опровергал еще Ж.Ж. Руссо [12, с. 560–567]. Многократное превосходство в капитале предоставляет американским ТНК преимущества во всех аспектах коммерческого процесса: себестоимости товара, лоббировании, рекламе, маркетинго-

вых исследованиях, найме менеджмента, модернизации основных фондов, реализации готовой продукции и так далее, обеспечивая тем самым адептам глобализации продвижение к намеченной цели на правах монополиста. По замечанию экономиста Кимона Валаскакиса, глобализация конкуренции приводит к ее фактическому устранению на местных уровнях и является прелюдией «к полной монополии или, по меньшей мере, к олигархии» [4, с. 31]. Согласно теории стадийной экономической эволюции наций Ф. Листа, свобода торговли может быть взаимовыгодной только среди субъектов хозяйствования, стоящих на равной ступени развития. В условиях же фритредерства обладатели крупного капитала обогащаются, обрекая остальных на экономическую отсталость и политическую несостоятельность.

Субъективизм глобализации позволяет допустить мысль о том, что попытки унификации мирового политического пространства предпринимались и ранее. В частности, к историческим носителям идеи можно отнести Александра Македонского и Карла Великого, Древний Рим, империю Чингисхана, национал-социалистическую Германию и СССР. Политику означенных субъектов характеризовало стремление к созданию мировой империи, обладающей центростремительной системой управления. Апологеты единого мира проповедовали «универсальные», не привязанные к «почве» идеологии. А «поскольку абсолютная истина находится вне человеческой досягаемости, любая общественная система, претендующая на обладание такой истиной, для ее навязывания должна использовать репрессии», – утверждает американский финансист Дж. Сорос [13]. Поэтому унификация неизменно протекает в условиях ярко выраженного милитаризма, с точки зрения глобалистов оправданного перспективой «вечного мира», который при традиционном миропорядке, с его расприями этноконфессионального характера, невозможен. В этом смысле США не являются исключением, и акторам международного сообщества, отнесенным гегемоном к категории объектов, резонно ставить вопрос не столько о прочности своего суверенитета, сколько о самом существовании. ■

3. Бжезинский, З. Последний суверен на распутье / З. Бжезинский // Россия в глобальной политике. – 2006. – № 1. – С. 15.
4. Валаскакис, К. Глобализация как театр / К. Валаскакис // Международный журнал социальных наук. – 1999. – Ноябрь. – Т. 27. – С. 25–39.
5. Гидденс, Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 101–122.
6. Генон, Р. Кризис современного мира / Р. Генон. – М.: Арктогея, 1991. – 58 с.
7. Иноземцев, В.Л. Глобализация: иллюзии и реальность / В.Л. Иноземцев // Свободная мысль XXI. – 2000. – № 1. – С. 26–36.
8. Иноземцев, В.Л. Вестернизация как глобализация и глобализация как американизация / В.Л. Иноземцев // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 58–69.
9. Крейтор, Н.-ф. Столетие нового мира: плюрализм против универсализма [Электронный ресурс] / Н.-ф. Крейтор. – 2009. – Режим доступа: http://www.patriotica.ru/enemy/kreitor_nmp.html – Дата доступа: 6.01.2009.
10. Печатнов, В.О. От Джефферсона до Клинтона / В.О. Печатнов. – М.: Наука, 2008. – 502 с.
11. Рокфеллер, Д. Банкир в XX веке / Д. Рокфеллер. – М.: Международные отношения, 2003. – 497 с.
12. Руссо, Ж.Ж. О причинах неравенства / Ж.Ж. Руссо // Антология мировой философии: В 4 т. – Т. 2. – М.: Наука, 1970. – С. 560–567.
13. Сорос, Дж. Тезисы о глобализации / Дж. Сорос // Вестник Европы. – 2001. – № 2. – С. 38–49.
14. Шреттер, Л. Глобализация / Л. Шреттер // Наперекор. – 1998. – № 7. – С. 7.